

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2

В. Ю. Сухачёв: волеизъявление философа**В. В. Савчук¹, Г. Р. Хайдарова²*

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Военно-морская академия им. Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова,
Российская Федерация, 197045, Санкт-Петербург, Ушаковская наб., 17

Для цитирования: *Савчук В. В., Хайдарова Г. Р.* В. Ю. Сухачёв: волеизъявление философа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 1. С. 94–109. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.108>

В статье речь идет о выдающемся петербургском философе конца XX — начала XXI вв. В. Ю. Сухачёве. Показан путь его становления, условия формирования и обстоятельства его оригинальной мысли. В. Ю. Сухачёв был одним из организаторов «Ницше-семинара» — важной вехи философской жизни Петербурга; талантливым педагогом, поскольку ничему не учил намеренно, а своими лекциями и выступлениями предъявлял образ радикально современного мыслителя, умело прокладывающего лоцию через всю историю философской мысли. Стоическая аскетичность философа, включающая воздержанность от тщеславия, была для него естественной. Первоначалом и вместе с тем итогом его размышлений был тезис: философ должен стоять на собственных основаниях. Следует хорошо знать историю философии, ее концепты, логику развития ее идей и, конечно же, по возможности, читать работы философов в оригинале. Но собственные основания в философии — это не только опора на концепты предшественников, но и практически накопленный личный потенциал сопротивления, натренированная критическая способность ума. В статье проанализированы истоки формирования философской позиции В. Ю. Сухачёва, его полемические тезисы и провокации, обозначены достижения и вклад в историю петербургской/ленинградской школы философии. Основанием философского мышления для него является воля, проявляющая себя в том числе в традиционной «заботе о себе». Воля — это то, что дает занять место в мире, что дает возможность быть свободным. Воля позволяет учредить суверенную позицию и очертить пределы своего существования. В. Ю. Сухачёв проводит мысль,

* Статья написана в рамках исследовательского проекта, поддержанного РФФИ № 20-011-00144-а, «Теоретическое наследие философии в Ленинграде-Петербурге. Вторая половина XX века», СПбГУ.

что ни историческая ситуация, ни биографический контекст не обладают собственной философской ценностью.

Ключевые слова: философия культуры, философская антропология, философское наследие России, Ницше-семинар, рефлексия, самосознание, забота о себе, воля.

Биография

Вячеслав Юльевич Сухачёв (12 апреля 1955 — 10 ноября 2016) родился в городе Белитц (ГДР) в семье военнослужащего и врача. После окончания средней школы, которую он посещал в ГДР, в 1972 г. поступил на отделение английского языка факультета иностранных языков Московского государственного пединститута (МГПИ), из которого ушел в 1974 г. по собственному желанию. Поступил на вечернее отделение философского факультета Ленинградского государственного университета, который окончил в 1980 г. В том же году был призван в ряды Советской армии, участвовал в боевых действиях в Афганистане до 1982 г. Затем — аспирантура философского факультета (1986–1987). Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Методологическая функция исторического материализма в исследовании науки» (1988). В. Ю. Сухачёв проработал 15 лет (1982–1997) на кафедре философии ЛИТМО, а с 1997 г. был доцентом кафедры философской антропологии философского факультета СПбГУ. Вместе с Геннадием Павловичем Любимовым (кафедра онтологии и теории познания) и Александром Николаевичем Исаковым организовал «Ницше-семинар» — на его первое заседание был приглашен немецкий профессор, редактор ведущего ежегодника по ницшеведению в Германии «Nietzsche-Studien. Internationales Jahrbuch für die Nietzsche-Forschung» Вернер Штегмайер. Вячеслав Юльевич был негласным лидером и сопредседателем содружества коллег, иронично называвших себя интеллектуально-аналитическим обществом «Анабасис». Кроме философских, с 1989 г. он проводил полевые социологические исследования на тему русской идентичности. Тематическое поле своих философских изысканий он определял лаконично: метафизика.

У него был хриловатый от долгого курения и весомый от природы голос, завораживающий слушателей. Речь его даже в повседневном общении была напряженной, эмоционально артикулированной, с резковатыми интонационными перепадами и ритмичными всплесками — в ней цитаты из классиков звучали органично, произнесенные словно от первого лица, продуманные из собственной полноты личности, с нескрываемым восхищением от открывшейся истины. Эти языковые и артикуляционные комплексы, насыщенные историко-философскими аллюзиями, были и откровением, и вместе с тем убедительным доказательством его базовых концептов. Говорил он без конспектов, без опоры на заметки к выступлению, произнося сложные термины на различных языках, давая их перевод и этимологию, например с греческого на латынь, а с нее — на немецкий или английский. Огромное количество цитат он приводил по памяти, с указанием точной пагинации у Платона и Аристотеля или отсылая к главам и параграфам трудов Декарта, Канта, Гегеля, Гуссерля, Хайдеггера и современных философов, лингвистов, антропологов. Разговор шел в кругу знающих, посвященных, вызывая в памяти античную традицию разговора учителя с кругом учеников. Смех и единодушная реакция вовлеченной в магическое действо аудитории — тому подтверждение, в чем может удостове-

риться каждый, кто обратится к выложенным в сети лекциям, докладам, выступлениям. Нельзя не признать наличие особой атмосферы сотворчества, возникающей на его лекциях, в частности благодаря подключению к логике его доказательства.

При всей укорененности в свое время в ленинградскую и петербургскую интеллектуальную ситуацию, в ее позднемарксистский контекст (он не стажировался на Западе, поэтому не мог транслировать заемные навыки чтения лекций западными профессорами), — по своей вовлеченности, риторике и свободному ведению лекций он принадлежал к русской философской традиции. Большой знаток классических текстов, эрудированный, обильно цитирующий, он вместе с тем отличался умением встроить продуманные им историко-философские концепты в стихию напряженного момента «сейчас», перекинуть виртуальный мост, связывающий водино традицию мышления, — собственно это мы и называем философским вкусом. Не раз он говорил об «абсолютном слухе» как божественном даре, предопределяющем судьбу человека, и, оглядываясь на его собственную судьбу, можно было бы сказать о его даре «философского слуха», не позволяющего «взять фальшивую ноту», т. е. выпасть, как сказал бы Мамардашвили, из дела мысли. Смеем полагать, что увлечение музыкальным Ницше было неслучайным в этом метафорическом ряду «философского слуха». Ю. В. Сухачёв был по-своему талантливым педагогом, поскольку ничему не учил намеренно, своими лекциями и выступлениями он предъявлял образ радикально *современного* мыслителя, умело прокладываявшего лоцию через всю историю философской мысли. Он остро чувствовал властные притязания и отношения, не терпел ущемления свободы в мышлении, даже для начинающих свой путь в философии, с ними он говорил на равных, как с коллегами, не допуская, однако, легковесных знаков признания. Аскетичность образа философа, включающая воздержанность от тщеславия, была для него, как казалось, естественной. Прослушавшие его лекции студенты уже не столь безоглядно используют базисные понятия и концепты, а внимательно прислушиваются к исходному значению, не упуская всю сложность семантического поля и исторического контекста. Так постепенно возрастает в них философская культура, основа которой — строгость удержания понятий, к которой, со ссылкой на Гегеля, призывал Вячеслав Юльевич. Завершая биографический обзор, скажем, что Сухачёв не только важная фигура на философской сцене Петербурга 90-х годов XX в., но и яркий лидер молодого, ныне творящего поколения.

Позволим себе здесь и личное биографическое свидетельство. Он был артистичен, любил раннего Прокофьева, балет. На первом курсе философского факультета (обучаясь на заочном отделении, он посещал лекции дневного отделения) он предложил мне (Валерию Савчуку) крайне дефицитные в ту пору билеты на современный американский балет — сам пойти не мог, — что определило мой интерес к неклассическому балету и пластическим искусствам в целом. Был он ироничен и, что случается гораздо реже, самоироничен (так, он охарактеризовал себя как «склонного к атараксии»), не чужд вызова и экстравагантности — один его асимметричный хвостик на коротко стриженной голове профессора чего стоил, — но все было в нем органично и естественно, не вызвало отторжений. В остальном он был весьма деликатен и в оценках студентов и аспирантов, и в отзывах на диссертации коллег. Был эмоциональным, улыбчивым и отзывчивым человеком.

«Ницше-семинар». Мотивы вопрошания

Казалось бы, совсем еще недавно нами была написана рецензия на совместную книгу А. Н. Исакова и В. Ю. Сухачёва, в которой были такие слова: «Тем, кто кроме Александра Секацкого философов в Петербурге не знает, предложу два имени: Александр Исаков и Вячеслав Сухачёв» [1, с. 56], а сегодня уже речь идет о признанном классике петербургской философии второй половины XX в., входящем в число тех профессоров, которыми «факультет гордится по праву» [2, с. 7].

Полагаем, что неслучаен на переломе эпох выбор Сухачёвым Ницше как отправной фигуры для собственного мышления: 90-е годы для философии были временем открытия множества новых тем, характеризовались некоей хаотичностью переводов хлынувшей зарубежной философии и дезориентированностью (один из наших тезисов того времени: «Дезориентация — невроз современности») постмодернизма как «духа времени». На советское, идеологией скрепленное сознание, прививка большого и разнородного массива гуманитарных знаний проходила не безболезненно. Неслучайно и то, что Сухачёв пришел из другой (маргинальной) сферы, со своим опытом филологических и социологических штудий, с закваской военной культуры. Едва ли можно было выдержать напор времени человеку, вырастившему на спокойной почве советской партийно-политической философии. Этому вызову времени смог ответить философ-воин (которому, заметим биографически, резонансом стал философ и специалист по философии войны, его близкий друг Александр Николаевич Исаков). Сдерживая агрессию эпохи и удерживая строй мысли, сохраняя духовность ленинградской школы в ее культурологическом и антропологическом изводе, «Ницше-семинары» как интуитивно точно сформировавшаяся философская институция (или самоорганизация круга близких философов) задали вектор скрепляющей все многообразие дискурса идентичности, протеста и личного поиска на стыке либерализма и русской традиции. Важно было в контакте с западными исследователями (в 90-е годы стали регулярными зарубежные стажировки и международные научные встречи с коллегами в Санкт-Петербурге) и сохранить обоюдную открытость, не впадая в неопитство или даже идолопоклонство перед лицом всей сложности концептов западной мысли, и вместе с тем удержать (катехон) всю палитру своего философского наследия. Точность философского вкуса и самодостаточность профессионального философа вместе с воинственностью натуры были в те времена остро востребованы и реализовали себя во всей полноте. Позже «Ницше-семинар» вместе с учреждением философской премии «Вторая навигация» (лауреатом которой стал В. Ю. Сухачёв) стали заметными событиями программы первых Дней петербургской философии.

В ситуации социально-политической переориентации «Ницше-семинар» был симптомом времени и в некоем другом, компенсаторном отношении. Переводы Ницше были доступны с дореволюционной эпохи, он не был абсолютно новой фигурой на сцене русской мысли, в отличие от переводов новомодных французских философов. Метафизическая устремленность Ницше и опора на традицию немецкой философии давали возможность не безоглядного увлечения концептами Бодрийара, Бадью, Деррида, Агамбена, Фуко. Почти как в военных альянсах России, немецкая мысль стала анкером для того, чтобы развивать и сохранять традицию русской философии через сопричастность и к русской отечественной философии

конца XIX — начала XX вв., и к русской зарубежной философии. Вместо гегельянского кружка XIX в. на переходе к XXI в. ницшевский кружок становится средоточием самостоятельной философской жизни (атараксия в действии) и центром антропологического направления в философии Санкт-Петербурга. И идея сверхчеловека, конечно, всегда была вызовом русской традиции с ее литературным сюжетом «маленького человека» в его способности не погружаться в рессентимент. Обсуждение идеи рессентимента, идеи «доброевропейца» на этих семинарах также было актуально в контексте обретения в новых условиях собственной идентичности. Таким образом, «Ницше-семинар» стал местом концентрированного освоения новых для постперестроечной России дискурсов, сюжетов и тем. Встреча вокруг фигуры Ницше петербургских мыслителей разных устремлений позволяет ретроспективно оценить всю сложность социального контекста, научной и философской среды, а также выделить направления поисковой активности ведущих философов Ленинграда/Санкт-Петербурга. Философская проблема нигилизма, отсылающая и к традиции русской мысли, является ключевой для понимания переходной эпохи, а преломленная мысль Ницше стала способом понять настоящее.

Кто может породить философскую школу как институт живой мысли? Мы здесь не будем говорить об обществах и кружках, говорящих в терминологическом поле какого-либо крупного философа. Речь скорее о центре кристаллизации новых смыслов и продуктивной человеческой общности. «Ницше-семинар» собрал не только маргиналов. Он стал и точкой кристаллизации, фундирующей общность кафедры философской антропологии, провоцирующей научную квалификационную деятельность (проекты, защиты, статьи), и источником живой, интенсивной жизни мышления. Ницше со своей творческой метафорикой как всеобъемлющая и европейская фигура, противостоящая системной философии, стал местом приращения в политических пертурбациях эпохи.

«Эзотерическая» атмосфера «Ницше-семинаров» воспроизводила аутентичность погружения в радикальную мысль Ницше: его заседания походили на стоический ритуал, отрицавший благоустроенный космос мещанских добродетелей. В результате разговор шел среди *знающих* и *разделяющих* задачи переоценки ценностей. И потому звучал весьма актуально в исторический момент переосмысления и переопределения ориентиров. Педагогическая ценность семинаров несомненна: собеседуя с Ницше, В. Ю. Сухачёв, А. Н. Исаков, Г. П. Любимов, В. Н. Садовников демонстрировали не только интеллектуальный атлетизм, но и возможность быть философом, т. е. быть в тоне мысли, обладать мужеством и жизнеутверждающей решимостью встретиться с бытием. Настоящим докладом был тот доклад, который творился здесь и сейчас, в удержании всей сложности и взаимосвязи концептов. Это не чтение доклада, но сотворчество, соразмышление с целью понять и принять себя через разговор о Ницше. Настоящие доклады на семинаре не читались, как это принято на зарубежных конференциях, а рассказывались вольным образом. Отчасти по этой причине не вышел, к сожалению, ни один сборник трудов, статей, докладов «Ницше-семинара». И устная форма передачи знания, и сам акт соразмерной и актуальной мысли порождали не только сопричастность концептам немецкого философа, но и одновременно укореняли их на почве русской литературы и философской мысли. Благодаря вдохновителям семинара В. Ю. Сухачёву и А. Н. Исакову, у их учеников философия приобретала адекватную времени глубину вопрошания.

Философское наследие

Как часто бывает у талантливых преподавателей, лекции Сухачёва были востребованнее текстов: взяв в 2021 г. в университетской Библиотеке общественных наук (БОН) его книгу «Несвоевременная философия» (2014), мы с грустью, смешанной с удивлением, обнаружили, что стали ее первыми читателями — прежде книгу не выдавали ни разу. Вспоминая всегда благодарную аудиторию его студентов, аспирантов и коллег, их аплодисменты после лекций, удивляешься тому забвению, которому предано письменное наследие автора. И как пророчески и вместе с тем горько было вновь прослушать его выступление на презентации книги Николая Грякалова со словами благодарности: «...я хочу поблагодарить семью и близких, которые издали эту книгу, это величайшее дело. Прошел год после того, как Николая Грякалова нет, но есть текст, который мы читаем и который мы обсуждаем. Нижайший поклон за это» [3]. Ибо архив Сухачёва все еще не разобран, ни одного текста не опубликовано. Это небрежение к ближним, ко вчерашним кумирам и властителям дум — к сожалению, характерная черта нашей философской жизни. Пропадают втуне архивы не только Вячеслава Юльевича Сухачёва, Андрея Витальевича Демичева, Натальи Николаевны Ивановой, Юлии Олеговны Орловой, Тимофея Викторовича Антонова, но даже выдающихся деканов философского факультета Ю. В. Перова и Ю. Н. Солонина. Но в отличие от бумажных рукописей, цифровая форма существования их текстов гораздо более эфемерна, поскольку рискует исчезнуть вместе с устаревшим компьютером. И в этом смысле книга Н. А. Грякалова — счастливое исключение.

Но именно в тех немногих статьях, что не утрачивают энергию лекции, где он, по сути, облекал в текст уже проговоренное, ему удавалось сохранить на письме напряжение живой речи, яркость примеров, сопровождающую изложение эмоциональность, которая завораживала слушателей [4–6]. Отметим, что можно усмотреть в таких статьях особую стилистическую близость к текстам «философствующего молотом». Как и на «Ницше-семинарах» и лекциях Сухачёва, мощь вовлеченности автора словно расширяет горизонт участников/читателей, раскрывает горизонт мыслимого, ноэзис превращается в динамичную ноэму. Вместе с ним слушатели его лекций подключались к продумыванию исходных философских категорий, оживающих, как в компьютерной игре или в художественных образах видеоряда. Именно сопряжение всякой мысли с этими категориями, согласно Сухачёву, и может отличить философскую постановку вопроса от нефилософской. Сама организация «Ницше-семинара», его рабочая атмосфера и отказ от публикаций докладов и дискуссий являются наследием русской формы философствования, прослеживающейся от московского кружка Любомудров и петрашевцев до семинаров Э. В. Соколова в Доме ученых в 80-е годы XX в. Ключевым моментом является самоценность встреч и радость от совместного действия.

Первоначала и источники

Первоначалом и вместе с тем итогом его размышлений был тезис: философ должен стоять на собственных основаниях. Следует хорошо знать историю философии, ее концепты, логику развития ее идей и, конечно же, по возможности, чи-

тать в оригинале. Но собственные основания в философии — это не только опора на концепты предшественников, но и практически накопленный личный потенциал сопротивления, натренированная критическая способность ума. Здесь в равной мере сказываются два важных обстоятельства. **Первое** — Сухачёв учился во второй половине 70-х годов XX в., когда актуальное поле философской аналитики было под строгим надзором партийно-бюрократического аппарата, признававшего в качестве легитимного лишь марксистско-ленинский подход и ожидавшего, в конечном счете, всемерного подтверждения положений классиков марксизма-ленинизма на новом материале и в новой социально-экономической ситуации. Здравомыслящие эмигрировали или во внутренней эмиграции занимались логикой, историей идей, проблемами «чистого сознания». В этот период В. Ю. Сухачёв активно занимался математической логикой, философией языка. Одной из заметных форм сопротивления была выработка своего особого языка, на котором общались посвященные. В нем были маркеры, определявшие «свой — чужой». Свои цитировали философско-экономические рукописи 1844 г., «Капитал», чужие — «Философские тетради», «Диалектику природы» и «Анти-Дюринг».

Второе — интерес к языку и прививка вкуса к точности перевода, которые он получил в 1972–1974 гг. на отделении английского языка Московского государственного пединститута (МГПИ). Он переводил с английского, немецкого и французского языков, читал на древнегреческом и латинском. Будучи студентом в 1970-е годы, он слушал лекции преподавателей, многие из которых прошли войну, обучались в университете в послевоенные годы. Поэтому никого не удивляло, что преподаватели не знали ни одного из иностранных языков, а специалисты по марксистско-ленинской философии, как правило, не знали немецкого языка, довольствуясь переводами Собрания сочинений Маркса и Энгельса на русский язык. Сокурсники Сухачёва продолжали эту традицию, поскольку подавляющий контингент поступавших имел льготы (службу в Советской армии или двухгодичный стаж работы), было довольно и тех, кто поступил по рекомендациям республиканских комитетов или обкомов партии вне зависимости от их знаний.

Он с большим уважением цитирует как слова Хайдеггера об искажении перевода греческой философии на латынь, что было «величайшей трагедией для философии», так и слова Поля Рикёра из «Конфликта интерпретаций», о том, что Ницше, Фрейда и Маркса объединяет подозрительность, или традиционный философский скепсис, который сводит сущность философской работы к проявлению воли, к сопротивлению машинерии мысли. Его главная интенция состоит в том, что философия может стоять на собственных основаниях, только если акт воли входит в содержание философской работы. Звучит по-ницшеовски: только воля и «дает доступ к бытию». Без нее мы получаем «безумные онтологии без людей» [7] или «историю без субъекта» [8, с. 28].

Не будет преувеличением предположить, что парадоксальное¹ сочетание разума и воли у В. Ю. Сухачёва восходит к его экзистенциальному опыту командира,

---

¹ «Если вспомнить квадрат Наполеона, с идеальным сочетанием воли и мысли, то наблюдается перекосяк при воспитании командиров в сторону превратно понятого “волевого начала”, направленного к принуждению подчиненных решить задачу любой ценой, без культуры военного мышления и искусства, без гибкого творческого решения. ...Идеал командира, однако, предполагает равновесие двух мотивов (воли и разума). Интегрирование этого метафизического расщепления за счет

оказавшегося, пусть ненадолго, на передовой. В военной мысли России дореволюционного периода активно (например, у А. Д. Бубнова [9]) обсуждается так называемый квадрат Наполеона, предполагающий равное присутствие у полководца/флотоводца разума и воли. О гармоничном сочетании творческой мощи мышления и воли писали военные теоретики и философы: Н. Л. Кладо и Н. Н. Головин, А. А. Ливен и А. В. Немитц, Б. Б. Жерве и позже, в советское время, психолог Б. М. Теплов. В основе мышления философа, развертывающегося в среде любви (а не борьбы), лежит беспокоящее *удивление*; тогда как в основе мышления командира *неизбывная апория* — необходимость *творческого* решения в хаосе войны. Решения, ведущего к покорению воли противника. Общим для командира и философа является мышление, но для командира в нем цель (волевая, *vita activa*), а для философа — исходная способность (созерцательная, *vita contemplativa*). История философии демонстрирует нам примеры философов-воинов, философов-практиков, в кризисные времена, когда востребовано волевое деятельное начало, берущих на себя предельную политическую и экзистенциальную ответственность.

Усвоив хайдеггеровский метод деструкции, В. Ю. Сухачёв в лекциях [7] охотно использовал прием смещения смысла термина, возвращая ему исходную свежесть своим волеизъявлением, личным вкусом, выбором значения и являя перформативную силу акта смыслонаделения. Темы его размышлений свертывались вокруг тщательно и суверенно выбранных и качественно проработанных понятий: техники контроля и самодисциплины, акт волеизъявления, учреждения, признания, желания. Часто он начинал речь с уточнения смысла термина, исправления перевода на русский язык, этимологического анализа или примера рутинного его употребления. Так, применительно к кантовскому термину «*Gemeinschaft*», переводимому как «*взаимодействие*» он указывал, что «более точно здесь было бы говорить о «сообществе», «общности», «общении», «взаимо-действии» субъекта и предиката, постоянно готовых поменяться местами» [11, с. 123]. Или, обобщив: «В принципе, философский опыт мышления промышливает (различая и оценивая, придавая ценность) смысловое поле, переводя в мыслимое те силы, которые сами по себе безмысленны» [11, с. 144].

Полагаю, что Сухачёв мог бы сказать о себе словами Жилия Делёза: «Я принадлежу к поколению, к одному из последних поколений, которое в той или иной мере было истерзано историей философии. История философии выполняет в самой философии очевидную репрессивную функцию; это, собственно говоря, философский Эдип: «Ты не можешь рисковать и не можешь говорить от своего имени, поскольку не прочитал того и этого, и этого о том, и того об этом»» [12, с. 16]. С необходимым дополнением, что западные авторы страдали от *избытка* разностороннего историко-философского образования, соотечественники же — от *недостатка*. Нарботанная традиция внимательного и скрупулезного изучения предшественников, культура критического чтения и свободной интерпретации текстов мыслителей, существенно отличалась от производства своей собственной традиции с героическими усилиями передать навыки критического со-мыслия теми немногими, кто

цельной личности командира позволяет единство коллективного сложения всех волей, единому душе всего состава. Командир — не ракета, не авангард, он внутренняя опора для всего совместного дела» [10, с. 170].

остался в большевистской России, несмотря на ущемление прав, преследование и репрессии.

Начетничество, поверхностное знакомство с концепциями философов, составивших исторический корпус философской мысли, — следствие использования марксистско-ленинских принципов критики и классового подхода — таковы были условия обхождения и с философским наследием, и с «современной зарубежной философией». Отбросить стереотипы, столкнув предрассудки их понимания с концептами актуальной философской мысли с целью предъявить современное прочтение — такова, представляется, основная интенция штудий В. Ю. Сухачёва. А его вовлеченные в текст, но более — в живую речь слушатели могли бы с полным основанием вслед за Теэтетом сказать: «Когда я пристально вглядываюсь в это, у меня темнеет в глазах» [13, с. 243].

Призывая стоять на собственных основаниях, в частности обнаруживая основы европейской рациональной культуры в Древней Греции, преимущественно у Аристотеля, Сухачёв при этом производил вывернутое эпохе — операцию отсечения несущественного, не метафизического, укорененного в конкретном месте и времени. Собственно, это сродни реконструкции, подобной тем, что предпринимают реконструкторы исторической эпохи, погружая в контекст. Предельно заостренная интенция «аутентичного» прочтения античного понятия, концепта философского классика или современного философа дает основание элиминировать все, что указывает на время, на неотвратимую настоятельность проблем, порожденных социальными, экономическими, политическими, военными отношениями, в понимании которых требовалось обрести новые принципы. Внешние факторы были тем скрытым двигателем мысли, который в конечном счете исподволь вынуждал искать новые опоры. Именно они и были условием того, что В. Ю. Сухачёв называл самостоянием.

Можно было бы видеть в Сухачёве приверженца интернализма, трактующего историю философии как «разворачивание логики Логоса» в соотнесенности бытия и мышления, отказ от модусов существования философии в различные эпохи. Подлинная, «несвоевременная», понимаемая им как вневременная, философия чужда религии, политике, экономике, эстетике и т. д., поскольку «у философии много своих проблем для того, чтобы заниматься еще и чужими», и далее: «Политизация философии — это смерть» [7]. Именно поэтому Сухачёв столь непреклонно выступал против Поппера, его концепта «открытого общества». Потому что оно не вписывается в «фундаментальную логику самой философии», потому что покидает поле философии, уходя в политику.

В чем корни его позиции? Конечно же, на первом курсе факультета иностранных языков он слушал общие лекции по языкознанию, истории языка и прочие обязательные для филолога. И хотя он ушел из МГПИ по собственному желанию на втором курсе, но все же прослушанные курсы не могли не оставить след в душе вчерашнего школьника. Это и сказалось на его научных интересах, и проявилось в читаемых им учебных курсах: семиотика, философия языка, философская антропология, опыт самосознания и анализ инстанций признания, наконец, цикл из шести лекций «Логос как архе философии», прочитанный в «Открытом философском факультете» в 2016-м, на последнем году жизни. В этих лекциях он деконструировал важнейшие философские термины, дал представление, с какими понятиями и

в каком напряжении мысли работает философ. Слушатели выносили из его лекций важнейший вывод: все не так, как кажется обыденному сознанию. При этом собственноручно переводами он занимался неохотно.

Взаимоотношения ранней филологической прививки и последующей профессиональной философской рефлексии строились у него не по тому сценарию, который однажды подметил М. Л. Гаспаров: «...не филолог помогает философу, а философ давит филолога» [14, с. 66]. Сухачёву филология помогает обрести вновь актуальный предмет размышлений, дать диагноз эпохи: «обращение к языку — симптоматика XX века», и, ссылаясь на Лосева, он говорит о том, что интерес «к средствам выразительности всегда связан с деонтологизацией» [7]. Когда, например, размышляя о сосюровском определении речи как «индивидуального акта разума и воли» [7], Сухачёв заостряет вопрос: «Зачем речи нужна воля?» или «Зачем воля нужна лингвисту, когда мы говорим о феномене речи?», — то мы встречаем в нем философа-воина, с метафорикой борьбы за «жизненное пространство» (не будем сейчас останавливаться на том, что насилие как феномен определяется через ограниченное пространство, в борьбе за пространство). Ответ дается с отсылкой к Ницше: воля — это то, что дает *занять место* в мире, что дает возможность быть свободным. Воля позволяет учредить суверенную позицию и очертить пределы своего существования, защитить их и не допустить, чтобы другие вторгались в свой мир. «Открытый человек — это глупый человек, человек без границ». У Сухачёва филологические штудии, особенно в виде историко-этимологических обоснований философских понятий (в русле истории идей), скорее помогали философу, чем подавляли его. Крайне внимательный к значению понятия, к его словообразованию, к утратам смысла при переводе на другие языки, он, однако же, не строил свою альтернативную концепцию, не делал (за исключением слишком явной отсылки к телу, воле, обыденному языку) усилий пройти тотально все выводы из посылок, им сделанных. Щедр, избыточен и расточителен — таков он был в своих выступлениях. При том, что красной нитью в его рассуждениях проходила критика постструктуралистов, либерального общества и постмодернизма, он словно бы повторял исходные определения постмодерна у Лиотара: «Творение может относиться к модерну лишь в том случае, если сначала оно относится к постмодерну. Постмодернизм, понятый подобным образом, — это не конец модернизма, но модернизм в состоянии зарождения, и состояние это постоянно» [15, с. 319]. Впечатление таково, что разрушить стереотипное понимание понятия, указать, что оно есть не то, чем представляется ныне, как привычно и рутинно трактуется философским сообществом, а по сути своей (например, «арете», «стимул» и множество других, казалось бы, само собой понятных) имеет другой смысл, утраченный при переводе и укрепившийся в процессе исторического использования в западной философской традиции. Такие этимологические изыскания делаются с целью дополнить существующую концепцию, определить свой, претендующий на длинную волю удержания концепт, заново проясняющий настоящее положение дел. Однако именно историческая ситуация и весь контекст (действующие факторы) не обладают собственно философской ценностью, а давление их рефлекса преодолевается волевым усилием самодовлеющего философа. Поэтому видеть себя в будущем (модерн), отвечать на «вызов времени» — значит для Сухачёва уходить к философии, очищен-

ной от любой, пусть даже маленькой пользы. Посему, вопреки установкам в духе постмодерна, он, словно бы оберегая открытые горизонты свободы, каждый раз бросает намечающуюся соблазнительную перспективу развертывания стройной концепции. Россыпь неожиданных, ярких оттенков, смущающих реактивность понимания тех или иных фундаментальных понятий, явлены им в цикле лекций: «Логос как arche философии» (2016). Смех и возбужденная реакция одобрения, аплодисменты и количество записывающих гаджетов на столе — все это говорит о том, что его идеи могли служить другим надежным подспорьем в написании диссертаций, статей и монографий, углубляя и обогащая их содержание. Свой цикл лекций он заканчивает попыткой собрать воедино мышление, бытие, язык — основные темы его философии.

Его исследовательская интенция направлена не на отрицание настоящего, а на сохранение и удержание прошлого, его философских инвариантов со всеми вариациями значений понятий, с историей слова, приводящей к аутентичному знаменателю — к телесному жесту, к личной воле, к топосу. Он основательно изучил и освоил важнейшие тексты как классиков философии, так и современных философов, от Фуко до Деррида и Делёза, но проверяет их концепты историко-философской мерой, историей понятий. Исходя из предельно строгого и неукоснительного исходного философского вопрошания, он отрицал дисциплинарное членение философии. Модусы членения для самой философии неприемлемы. Не потому ли после долгих лет работы на кафедре философской антропологии и чтения соответствующих программ курсов лекций он, выступая на обсуждении книги Николая Грякалова, недвусмысленно заявляет: «...я такой философский антрополог, который не знает, что такое философская антропология» [3]. Парадоксом кажется и то, что, рьяно отрицая внешние, экономические и социокультурные влияния на философию, отказывая им в определении сугубо философских концептов, он часто и с удовольствием приводил биографические обстоятельства мыслителя: учебные заведения, лекции и руководство диссертациями, личные встречи и беседы философов. Остроумно вплетал в рассказ исторические анекдоты и комические случаи из их жизни, неизменно отстаивая волю как организующий принцип любого философского поиска, проявляющуюся в самостоянии, трактуемом в духе суверенной «заботы о себе».

Фундаментальная интуиция, скрепляющая его тексты и выступления, довольно точно раскрывается в следующем положении: «...философия — удивительно странная интеллектуальная инициатива, которая когда-либо возникала в истории исканий человечества» [11, с.28], — и далее, отсылая к Аристотелю, Сухачёв цитирует известное положение Ортеги-и-Гассета о ее совершенстве и бесполезности для масс. Именно на этой основе он делает заключение о способности философии переживать религии, идеологии, культуры, общества, оставаясь самой собой. Спротивляясь любому искушению принести пусть и маленькую пользу, отсекая любые эксплуатирующие философию (извлекающие выгоду из нее) мотивы, он отвергает стремление «оправдать философию перед лицом разного рода господствующих внефилософских инициатив, из политической ангажированности, даже из гуманизма и филантропии, — список можно продолжать еще долго. Все это, правда, в конечном счете оседает на полках исторических архивов, а то, что действительно оказывается философским архивом, богатством

которого и жив философский опыт, действительно всегда обладает концептуальным совершенством, а точнее, “исполненной полнотой”, и явной “бесполезностью» [11, с. 28].

Бесполезность и незаинтересованность в этом мире связывается Сухачёвым со вкусом, с самоограничением денди: «...не надо быть алчными и всеядным, не следует терять чувство вкуса. Поэтому и обвинения философии в бесполезности следует воспринимать иронично, — если сегодняшний мир не способен осознать ценность философии, то это проблема этого мира, но не философии. И уж совсем недопустимо впадать в унижительное “оправдание”, апологетику интеллектуальной инициативы, возраст которой насчитывает двадцать пять веков, — и перед кем? — Бизнесменом? Чиновником? Ученым? Художником?» [11, с. 154]. Однако, как показывает Дж. Агамбен, перипетия вкуса в новое время обнажила то, что «в глубине хорошего вкуса есть стремление к извращению в собственную противоположность» [16, с. 31]; возможно, что это касается и вкуса к бесполезности и незаинтересованности философии, стоящей на собственных основаниях. Отрешиться, чтобы приблизиться. Войти в предмет и забыть себя — движения взаимоисключающие, но на поверку часто оказывающиеся одним и тем же. Так, например, в буддизме отшельничество — это в подавляющем числе случаев не окончательный уход из мира, напротив, оно мотивировано необходимостью вернуться в мир после трех-, пяти- и десятилетнего ухода из него, дабы сохранить невозмутимость, обретенную в покое медитаций, пронести ее через житейское море, являя в миру отблеск подлинной отрешенности. Собственно, и христианское пустынноничество проходит в молитвах о благе мира.

Не является ли интерес к практическому социологическому по направленности исследованию правого политического спектра — «Волки», националисты и национал-большевики — тем движением к противоположному, определяемым его вкусом? А его аналитический язык, способ проблематизации, выбор определений и метафор — не являют ли нам эффект воли? Ведь Ортега-и-Гассет не говорит об абсолютной бесполезности, лишь о бесполезности для масс. Соответственно, отстаивая дело избранного меньшинства, того меньшинства, которое «требуется от себя больше, даже если требование к себе непосильно», он не ставит под сомнение бесполезность этого дела для массы. Его главный принцип — принцип нетождественности философии любым историческим и региональным формам ее проявления, что в своем практическом выражении вызывало неприятие любого дисциплинарного членения философии. Примечательно, что исходные положения позаимствованы у отца логики Аристотеля, а финальные — у принципиальных критиков рационалистической традиции — Ницше и Хайдеггера.

Мы с Сухачёвым стоим на противоположных философских позициях, проводимых (или, в лексике Сухачёва, «разворачиваемых») с предельной серьезностью и последовательностью: «...философ как философ не интересен, да, пожалуй, и невозможен». Он всегда стремился быть кем-то, *оставаясь собой*, иначе говоря, именно потому, что он хотел быть другим, он *становился собой*. Поэтому «и частей философии столько, сколько есть видов сущностей» [17, с. 121]. «Философ же как философ или философ, который *хочет быть* философом, предстает тем, кто одну систему мысли, комплементарную конкретной ситуации, отождествляет с философией как таковой и переносит в иное время и место» [18, с. 50–51].

Никогда философ не был исключен из времени и пространства (пандемии, самоизоляции и cancel-культура — не в счет), ему нужны контекст и место: он всегда в центре политических, экономических, научных и культурных событий. Осознает эту прошитость настоящим и Вячеслав Юльевич, говоря: «Экспликация “актуального”, “теперь-здесь”, бесспорно является значимым для философского опыта как одной из основ разворачивания поля мышления, — основа, которая предстает как подлинная и единственная действительность, отмечающая повторяемость наитий прошлого и запрещающая отказ от “само-властности”, “само-стоятельности”» [11, с. 184]. Нами здесь скорее руководит поиск крайних позиций, обнаружение которых дает шанс найти точки схождения, каковые обнаруживаются у крайне левых и крайне правых, у опирающегося на чувства солипсизма и метафизической нечувствительности, у начала и конца, стерильности и загрязнения, отрешенности и вовлеченности. Поскольку Сухачёвым владела страсть разотождествления философии со временем и обстоятельствами, постольку его усилия были направлены не на внешние, социально-политические и культурные условия, а к самым надежным, по Вячеславу Юльевичу, основаниям философии — самовопрошанию, иначе «мы втягиваемся в девальвацию темпорального трансцендентального Я, которая влечет за собой эрозию или распад полей аффективности, — Я охватывает внутренняя анестезия, и вполне естественно появляются сбои восприятия “внутреннего”» [11, с. 184]. Апория в том, что мыслитель не может не реагировать на события окружающей жизни *как философ*, а если он не реагирует, то он и не интересен. Иное дело, что, говоря об этих событиях, он должен говорить как философ, т.е. брать мир как целое. Когда Хайдеггер говорит о поэзии Гёльдерлина или Делёз — о живописи Фрэнсиса Бэкона, они остаются философами. По правде говоря, философ как *всего лишь* философ не интересен, да, пожалуй, и невозможен: «Есть много философий, но нет ни одной философии в качестве универсального образца» [19, с. 6]. Он всегда стремился быть кем-то: мудрецом, законодателем, учителем, политиком, теологом, ученым, идеологом, художником и куратором, даже воином, но при этом оставался собой.

Точки принципиального расхождения не только не закрывают возможностей совпадения, но, напротив, предполагают их. Нас объединяют размышления о воле, насилии, суверенности решения в их соотнесенности с разумом (Логосом). В важнейшем для западной цивилизации положении о свободе воли человека Вячеслав Юльевич делает важный ход: вопреки традиции акцентировать свободу, размышлять и анализировать условия ее обретения, он на первый план выносит волю. Не *свобода дает человеку проявлять свою волю*, но воля позволяет человеку быть свободным. Она же позволяет постигнуть οὐσία (усия), сущности, ибо последняя — это «земельный надел» или «имущество человека», которым он владеет, распоряжается, разумно управляет. «Если вы ничем не владеете, если у вас нет воли, то владеют вами, — какая усия? с вами говорить совершенно не о чем» [7]. Воля дает человеку возможность занять позицию в мире, и она же определяет речь. Ей посвящены самые важные страницы текстов и самые эмоциональные фрагменты лекций Сухачёва, она же составляет суть его кредо: «волю, значит существую». Проблемой по-прежнему в случае воли остается господство одной воли над другой. Сдержки и противовесы в виде признания свободы другого естественны и необходимы в традиции западной метафизики. В нашем российском современном контексте,

характеризуемом недоверием к «собственным основаниям» и незначительным памятованием учителей, воля философу нужна не только для задания своего языка и своей сцены мысли, но и для сохранения преемственности, а значит — для определения свободного горизонта и выживания в качестве мыслителя (ученика и учителя, ведь мысль не рождается из ничего) в ситуации постоянной догоняющей модернизации.

Литература

1. Савчук, В. В. (2000), Рец. на книгу: А. Н. Исаков, В. Ю. Сухачёв. Этнос сознания. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999, 263 с., *Новая Русская Книга. Критико-библиографический журнал гуманитарного агентства «Академический проект»*, № 2 (3), с. 56–58.
2. Дудник, С. И., Малинов, А. В. и Марков, Б. В. (2015), *Философскому 75!*, в: Марков, Б. В. и Малинов, А. В. (ред.-сост.), *Вспоминая философский факультет...*, СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, с. 3–7.
3. Сухачёв, В. Ю. (2015), *Выступление на презентации книги Н. А. Грякалова «Жребии человеческого. Очерк тотальной антропологии» (28 сентября 2015 года)*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=j9uvXOiwHg.html> (дата обращения: 7.06.2021).
4. Сухачёв, В. Ю. (1992), *Онтологическое искушение, или некоторые заметки о словечке “есть”*, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6*, вып. 2 (№ 13), с. 29–34.
5. Сухачёв, В. Ю. (1995), *Тезис Парменида*, в: *Наука и альтернативные способы познания*, Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, с. 27–44.
6. Сухачёв, В. Ю. (1995), *Страсти по Декарту: между метафизикой cogito и телесной практикой*, *Вестник Псковского Вольного Университета*, Псков: Возрождение, т. 2, № 4, с. 18–29.
7. Сухачёв, В. Ю. (2016), *Лекция: «Логос как arche философии»*. URL: https://www.youtube.com/watch?v=RZx2_lh5ZcE. (дата обращения: 10.08.2021).
8. Сухачёв, В. Ю. (1997), *История без субъекта, Метафизические исследования*, вып. 3: История II, СПб.: Алтейя, 1997, с. 28–42. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/suhachyov-vyu/istoriya-bez-subekta> (дата обращения: 01.02.2022).
9. Бубнов, А. Д. (1918), *Командующий флотом в сражении*, Пг.
10. Хайдарова, Г. Р. (2021), *Культурно-антропологический вектор в подготовке слушателей магистратуры*, СПб.: ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия».
11. Сухачёв, В. Ю. (2014), *«Несвоевременная» философия*, СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
12. Делёз, Ж. (2004), *Переговоры. 1972–1990*, пер. Быстров, В. Ю., СПб.: Наука.
13. Платон (1970), *Теэтет*, в: Платон, *Сочинения*: в 3 т., т. 2, М.: Мысль, с. 223–317.
14. Гаспаров, М. Л. (2000), *Записки и выписки*, М.: Новое литературное обозрение.
15. Лиотар, Ж.-Ф. (1994), *Ответ на вопрос: Что такое постмодерн?*, пер. с фр. Гараджа, А., *Ad Marginem* ‘93. *Ежегодник Лаборатории постклассических исследований Института философии РАН*, М.: Ad Marginem, с. 303–323.
16. Агамбен, Д. (2018), *Человек без содержания*, М.: Новое литературное обозрение.
17. Аристотель (1975), *Метафизика*, в: Аристотель, *Сочинения*: в 4 т., т. 1. М.: Мысль, с. 63–448.
18. Савчук, В. В. (2004), *Режим актуальности*, СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
19. Подорога, В. А. (2009), *О чем спрашивают, когда спрашивают «что такое философия?»*, *Философский журнал*, № 1, с. 5–11.

Статья поступила в редакцию 10 сентября 2021 г.;
рекомендована к печати 27 декабря 2021 г.

Контактная информация:

Савчук Валерий Владимирович — д-р филос. наук, проф.; savcuk.valeri@gmail.com
Хайдарова Гульнара Равилевна — д-р филос. наук, ст. науч. сотр.; khaidarova@rambler.ru

V. Yu. Suchachev: The philosopher's will*

V. V. Savchuk¹, G. R. Khaydarova²

¹ St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

² Naval Academy named after Admiral of the Fleet of the Soviet Union N. G. Kuznetsov,
17, Ushakovskaya nab., St Petersburg, 197045, Russian Federation

For citation: Savchuk V. V., Khaydarova G. R. V. Yu. Suchachev: The philosopher's will. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2022, vol. 38, issue 1, pp. 94–109.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.108> (In Russian)

This article is about the remarkable philosopher of St Petersburg of the late nineteenth and early twentieth centuries, V. Yu. Sukhachev. The path of his progress, and factors of formation and circumstances of his original thought are presented. He was one of the organizers of the Nietzsche Seminar, which was an important event in the philosophical life of St Petersburg. He was a talented teacher, because he did not teach anything intentionally. With his lectures and speeches, he presented the image of a radically modern thinker, who skillfully navigated the entire history of philosophical thought. The stoic asceticism of the philosopher, including abstinence from vanity, was natural for him. The initiation and the result of his reflections was this thesis: a philosopher should stand on his own. One should know well the history of philosophy, its concepts, the logic of the development of its ideas and, of course, if possible, to read them in the original. But one's own grounds in philosophy are not based only on concepts of heritage, but also on practically accumulated personal potential of resistance and the trained critical ability of the mind. The article analyzes the cornerstone of Vyacheslav Sukhachev's philosophical position, his polemical theses and provocations, and his advance and contribution to the history of the St Petersburg/Leningrad school of philosophy. The basis of philosophical thinking for him is the will, which manifests itself, including in the traditional "self-care". Will is what makes it possible to take a place in the world, and what makes it possible to be free. Will allows one to establish a sovereign position and outline the limits of existence, to protect them rigidly and prevent others from invading his world. He insists and promotes the idea that neither the historical situation nor the biographical context have their own philosophical value.

Keywords: philosophy of culture, philosophical anthropology, philosophical heritage of Russia, Nietzsche-seminar, reflection, consciousness, individual will.

References

1. Savchuk, V. V. (2000), Book review: Isakov, A. N. and Sukhachev V. Yu. *Etos soznaniia*. St Petersburg: St Petersburg University Press, 1999, 263 p., *Novaia Russkaia Kniga. Kritiko-bibliograficheskii zhurnal gumanitarnogo agentstva "Akademicheskii proekt"*, no. 2 (3), pp. 56–58. (In Russian)
2. Dudnik, S. I., Malinov, A. V. and Markov, B. V. (2015), Faculty of Philosophy: 75th Anniversary!, in: Malinov, A. V. and Markov, B. V. (eds), *Remembering the Faculty of Philosophy...*, St Petersburg: St Petersburg philosophical society Publ., pp. 3–7. (In Russian)
3. Suchachev, V. Yu. (2015), *Speech at the presentation of the N. A. Griakalov's book "Lots of human: Study of the total anthropology" (September 28, 2015)*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=j9uvXOiwHg.html> (accessed: 7.06.2021). (In Russian)
4. Suchachev, V. Yu. (1992), Ontological temptation, or some notes on the word "is", *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6*, no. 2 (13), pp. 29–34. (In Russian)

---

* The article was written as part of a research project supported by the Russian Foundation for Basic Research no. 20-011-00144-a "Theoretical Heritage of Philosophy in Leningrad-Petersburg. The second half of the twentieth century", St Petersburg State University.

5. Suchachev, V. Yu. (1995), Thesis of Parmenides, in: Markov, B. V. (ed.), *Science and alternative ways of knowing*, St Petersburg: St Petersburg University Press, pp. 27–44. (In Russian)
6. Suchachev, Yu. (1995), Passion according to Descartes: between the metaphysics of the cogito and bodily practice, *Vestnik Pskovskogo Vol'nogo Universiteta*, vol. 2, no. 4, pp. 18–29. (In Russian)
7. Suchachev, V. Yu. (2016), *Lecture: "Logos as the arche of philosophy"*. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=RZx2_lh5ZcE.html (accessed: 10.08.2021). (In Russian)
8. Suchachev, V. Yu. (1997), Istoriia bez sub"ekta, *Metafizicheskie Issledovaniia*, iss. 3: *History II*, pp. 28–42. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/suhachyov-vyu/istoriya-bez-subekta.html> (accessed: 01.02.2022). (In Russian)
9. Bubnov, A. D. (1918), *Fleet commander in battle*, Petrograd. (In Russian)
10. Khaydarova, G. R. (2021), *Cultural and anthropological vector in the preparation of students of the master's program*, St Petersburg: N. G. Kuznetsov Naval Academy Publ. (In Russian)
11. Suchachev, V. Yu. (2014), *"Untimely" philosophy*, St Petersburg: St Petersburg University Press. (In Russian)
12. Deleuze, G. (2004), *Pourparlers. 1972–1990*, transl. by Bystrov, V. Yu., St Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
13. Plato. Theatetus, in: Plato, *Works*, in 3 vols, vol. 2, Moscow: Mysl' Publ., 1970. (In Russian)
14. Gasparov, M. L. (2000), *Notes and extracts*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
15. Lyotard, J.-F. (1994), The answer to the question: What is postmodern?, transl. from French by Garadzhi A., *Ad Marginem* '93. *Ezhegodnik Laboratorii postklassicheskikh issledovaniy Instituta filosofii RAN*, Moscow: Ad Marginem Publ., pp. 303–323. (In Russian)
16. Agamben, G. (2018), *Luomo senza contenuto*, Rus. ed., Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
17. Aristotle (1975), *Metaphysics*, in: Aristotle, *Works*, in 4 vols, vol. 1, Moscow: Mysl' Publ., pp. 63–448. (In Russian)
18. Savchuk, V. V. (2004), *Relevance mode*, St Petersburg: St Petersburg University Press. (In Russian)
19. Podoroga, V. A. (2009), What is asked when one asks "what is philosophy?", *Filosofskii zhurnal*, no. 1, pp. 5–11. (In Russian)

Received: September 10, 2021

Accepted: December 27, 2021

Authors' information:

Valery V. Savchuk — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; savcuk.valeri@gmail.com

Goulnara R. Khaydarova — Dr. Sci. in Philosophy, Senior Researcher; khaidarova@rambler.ru